

ЭТНОЛОГИЯ

ПОХОД 1483 г. И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКО-СИБИРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина

Статья посвящена русскому походу на вогульские и югорские княжества в 1483 г. Выявлены основные противоречия в историографии этого события. Вопреки сложившейся традиции, авторы считают, что этот поход напрямую не связан с московско-тюменскими отношениями. Он отражает стремление Москвы поставить под свой контроль бывших данников Новгорода и зауральские источники меховой торговли, в том числе используя методы христианизации. Особое внимание уделено маршруту похода, что позволило определить границы некоторых позднесредневековых политических объединений Западной Сибири.

Московское княжество, Пелымское княжество, Тюменское ханство, хан Ибрахим, Сибирская земля.

Поход 1483 г. в Сибирь вызывал и продолжает вызывать интерес исследователей. К нему обращались С.М. Соловьев, А.А. Дмитриев, В.В. Каргалов, А.И. Плигузов, А.Т. Шашков, отчасти в своих исследованиях затрагивали и авторы этой работы, а также А.В. Парунин. В последнее время некоторые события этого похода были пересмотрены Д.М. Исаковым. Неоднократное обращение исследователей к этому событию вполне объяснимо. Согласно замечанию А.И. Плигузова, этот поход, по сути, ознаменовал третий период «русского открытия Сибири», который завершился ее присоединением к Московскому государству [1987, с. 47]. Учитывая возникшие в литературе дискуссии, необходимо вновь вернуться к обсуждению имеющейся источниковой базы.

Летописные сообщения о походе 1483 г.

Прежде всего, необходимо остановиться на имеющихся источниках. Об этом походе имеются сообщения только в русских летописях: Вологодско-Пермской, Устюжском летописном своде, Никоновской, Холмогорской и Вычегодско-Вымской. Авторами во всех случаях выступают священнослужители православной церкви, что важно для дальнейшего изложения.

В наиболее ранней форме об этом походе сообщается в Вологодско-Пермской летописи, древнейший свод которой был составлен между 1499–1502 гг. непосредственно при дворе пермского епископа Филофея. Имеющиеся здесь известия отличаются чрезвычайной подробностью и содержат информацию, полученную от непосредственных участников похода [Буганов, 1975, с. 280–281]. Летопись, несомненно, отражает и точку зрения самого Филофея и его окружения.

О самом походе здесь написано следующее: «В лето 6991. Отпустил князь великий с Москвы на князя на Вогульского на Асыку воеводу своего Ивана Ивановича Салтыка, а с ним своих детей боярских до Вологжан. А другого воеводу князя Феодора Купрьского, а с ним своих детей боярских да Устюжан, да Вычегжан, да Вымич, да Великопермцев. И поидоша в судах с Вологды, Иван Иванович Салтык, месяца апреля 25, и приидоша на Вогуличи месяца июля в 29, и бои бысть. И побегоша Вогуличи, Асыка и сын его Юмшан, и поидоша оттоле воеводы великого князя в Сибирь и повоеваша Сибирскую землю, и поидоша оттоле на великую реку Обь... и поимаша князя Молдана на реце Оби, и княжих Екмычевых дву сынов поимаша. И прииде Иван Иванович Салтык на Вологду ноября в 9» [ПСРЛ, 1959, с. 275–276]. К этому необходимо добавить, что Б.М. Клосс, анализируя краткие вологодско-пермские летописцы XV в., выявил в одном из них информацию, которая датируется 6992 г.: «И бися Юмшан и убежа в лес, и побивша многих татар Тюмеских и Сибирь плениша и одолеша» [1976, с. 270].

Близка к нему информация Устюжской летописи, датируемая первой четвертью XVI в. В ней отражаются как общерусские события, так и участие в них местного населения, причем по-

следние сообщения отличаются оригинальностью, что говорит об использовании информации от непосредственных участников похода. По мнению Н.К. Сербиной, записи этих известий совершали устюжские священники, которые в том числе могли быть и участниками походов [1985, с. 10]. В летописи указывается: «В лето 6991. Князь великий Иван Васильевич посла рать на вугулич и на угру, на Обь великую реку. А воеводы великого князя были князь Федор Курбский Чорной да Иван Иванович Салтыков Травин, а с ними устюжане, и вологжане, вычегжане, вымечи, сысоличи, пермяки. И бысть бои с вогуличи на усть реки Пелыни. И на том бою устюжан убили семь человек, а вогулич паде много, а князь вогульский убежал. А воеводы великого князя оттоле пошли по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь. И Сибирскую землю воевали, идучи, добра и полону взяли много. А от Сибири шли по Иртишу реце вниз, воюючи, да на Обь реку великую, в Югорскую землю, князеи Югорских воивали и в полон повели. А пошла рать с Устюга мая в 9 день, а на Устюг пришла на Покров пресвятая Богородицы» [ПСРЛ, 1982, с. 49]. Кстати, отметим, что согласно летописям поход 1465 г. на Югру также отправился именно 9 мая [Там же, с. 91].

В относящемся к этому же циклу Архангелогородском летописце, в целом дублирующем приведенную информацию, кроме замены даты 9 мая на 2 мая, после указания о возвращении уточняется, что «А в Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли». Также уточняется, что рать была послана на вогульского князя Асыку [ПСРЛ, 1982, с. 95], что подтверждается и в Вологодско-Пермской летописи. В поздней редакции Устюжского свода, известной как «Летописец Льва Вологодина» и датируемой второй половиной XVIII в., после фразы «мимо Тюмень в Сибирь» уточняется: «и, по пути идучи, многия села и деревни разорили и многия тысячи плену получили» [Там же, с. 136]. На наш взгляд, данная фраза отражает беллетризованный характер позднего летописца. Как видим, описание похода в Устюжской летописи практически полностью схоже с приведенным в Вологодско-Пермском. Коренные различия видны прежде всего в изменении или, точнее, расширении целей похода (вместо конкретного вогульского князя указывается и Югра, расположенная на Оби), а также указываются данные о потерях русских.

Еще одним источником о походе 1483 г. является Никоновский летописный свод, созданный в конце 1520-х гг. при дворе митрополита всея Руси в Москве. Информация в летописи исчерпывается следующими данными: «Воевод же своих великий князь послал, князя Федора Романовича Курбского и Ивана Ивановича Салтыка Травина, на Ясыку и Юзшана. Они же, шедшее с Вологжаны и с Юстьюжаны, приидоша на Юзшана; он же немного бився с ними и побеже в непроходимая места и стремнины» [ПСРЛ, 1901, с. 215]. Представляет интерес краткость известия о самом походе, хотя одним из источников послужил Устюжский летописный свод [Клосс, 1980, с. 5]. Также присутствует ошибка в датировке похода: он относится к 1484 г. — «в лето 6992», кстати, имеющаяся и в упомянутой выше краткой Вологодско-Пермской летописи. Кроме того, в самом описании похода не назван пелымский князь Асыка при упоминании его сына Юмшана, хотя поход был организован против обоих князей.

Обращает на себя внимание, что московские летописцы, скорее всего, черпали данную информацию именно из северовеликорусских летописей, это может свидетельствовать об отсутствии необходимых данных в самой Москве, в результате чего появляется ошибка и в датировке похода. Интересно, что информации об этом походе нет и в Разрядных книгах. Краткость известий, ограниченность его цели («О посылке воевод на Ясыку и Юзшана») и отсутствие данных о дальнейших посольствах от угорских князей может свидетельствовать и об изначальной маловажности этого похода для Москвы, в отличие от более выраженных интересов пермского епископа Филофея, о чем подробнее далее.

Одним из источников о походе 1483 г. является Холмогорская летопись, созданная в середине XVI в. Причем информация, относящаяся к периоду с 1397 по 1499 г., была взята из Вологодско-Пермской летописи [ПСРЛ, 1977, с. 4]. Интересующие нас события практически дословно повторяют описываемые в упомянутой летописи, но без указания конкретной хронологии похода и с небольшими дополнениями, касающимися состава участников похода: «сына боярского Ивана Ивановича Салтыка воеводу, да с ним детей боярских, двор свой, да вологжана...» [Там же, с. 124]. Отметим, что только в этой летописи имеется фраза «двор свой», которая, по мнению В.В. Каргалова, указывает на государственный характер похода [1983, с. 178]. Однако в таком случае мы должны либо предположить неизвестный независимый источник этого сообщения, либо объяснить причину отсутствия этой фразы в более ранних по времени создания летописях.

Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений

Среди источников, содержащих информацию о данном походе, необходимо упомянуть Вычегодско-Вымскую летопись, создававшуюся с конца XVI до начала XVII в. в Усть-Вымской Архангельской пустыни. Создание летописи в г. Усть-Вымь было связано с тем, что в этот период он являлся центром обширной Пермской епархии и необходимо было уделить особое внимание ее истории. По мнению историка Б.Н. Флоря, источниками для ранних событий данной летописи послужили в том числе Устюжская летопись и недошедшая Пермская владычная летопись [1967, с. 227–231]. В трактовке событий повторяется Устюжская летопись, за исключением некоторых уточняющих деталей, которые в ней отсутствуют. В том числе это касается упоминания вогульского князя Асыки как основной цели похода и расширенного списка участников похода, где, помимо прочих, указываются белозерцы и чердынцы. Кроме того, в летописи не упоминается Тюмень, но зато конкретизируется информация о бегстве после битвы вогульского князя Юшмана и взятие в плен югорского «большого» князя Молдана: «Лета 6991 князь великий Иван посла рать на Асыку на вогульсково да на Югру на Обь Великую с воеводы с Федором Курбским да с Иваном Салтык-Трава, с ними вологжаны, устюжаны, белозерцы, вычегжаны, вымичи, сысолечи и чердынцы. И бысть им бой с вогуличи на устьи реки на Пелыни, князь вогульский Юшман утекл со своим со всем. Воеводы князя великова оттуль поиде вниз по Тавде реке в Сибирскую землю воевали идучи, а от Сибири по Иртышу вниз идучи на Обь реку Великую землю Югорскую воевали, князя их Молдана большово в полон вели, добра и полону взяли многие» [Вычегодско-Вымская... летопись, 1958, с. 262–263].

По сути, этими сообщениями ограничивается имеющаяся у исследователей информация, которая, на наш взгляд, в основном следует из вологодско-пермских и устюжских летописных традиций. Кроме этого, сохранилась датированная 1483 г. духовная грамота воеводы И.И. Салтыка Травина, возглавлявшего русскую рать, с упоминанием о том, что он составил грамоту, «идучи на службу великого князя на Вогуличи» [Каргалов, 1983, с. 177].

Поход 1483 г. в историографической традиции: оценка роли тюменского хана Ибрахима в событии

Иная имеющаяся в работах исследователей информация исходит из исторических трактовок этих немногочисленных источников и зачастую зависит от видения ими русско-татарских отношений в целом. Для полноты анализа считаем необходимым разбить ее на условные подтемы: 1) причины и цели похода; 2) возможные маршруты пути и 3) роль похода в истории тюменской и сибирской государственности позднего средневековья.

Первая обозначенная проблема вызвала значительные дискуссии среди исследователей. Можно выделить несколько точек зрения по этой проблеме.

Значительная часть исследователей связывает причины и цели похода с формированием некоего единого агрессивного антимосковского фронта позднезолотоордынских татарских государств Джучидов, и в частности с агрессивной политикой Тюменского ханства, границы которого активно продвигались на север. Авторы, например А.Т. Шашков, указывали, что Ибрахим-хан не только пытался превратить вогульских и остяцких князей в своих «мурз», но и прямо провоцировал своего «вассала» Асыку на нападения против владений Московского княжества [Каргалов, 1983, с. 117–182; История Урала..., 1989, с. 148–149; Шашков, 2001, с. 13]. Исходя из этого поход 1483 г. был призван «приостановить дальнейшую экспансию Ибака или ослабить ее», в том числе с помощью достижения вассальной зависимости вогульских и остяцких правителей от Москвы [Каргалов, 1983, с. 178]. В одной популярной работе В.В. Каргалов пошел дальше: «перед сибирскими “народцами” стоял выбор: попасть под власть “тюменского царя” Ибака или искать покровительства России. Последнее по многим причинам было предпочтительнее» [Каргалов, электронный ресурс].

Скорее всего, этой агрессии, тем более в плане складывания общей оппозиции Джучидов, в начале 1480-х гг. не могло существовать, в отличие от более позднего времени. Данный факт хорошо виден на примере как произошедшего за три года до рассматриваемых событий столкновения между ханом Большой Орды Ахмедом и тюменско-ногайской коалицией во главе с Ибрахим-ханом, так и последовавших позднее тюменских походов на Астрахань. Очевидно, что общей коалиции Джучидов в тот период не существовало, и ее создание в условиях степных войн было невозможно до тех пор, пока московские князья сами ее не спровоцировали вмешательством в казанские дела в 1487 г. Отметим, что продвижение границ Тюменского ханства Ибака к северу также не находит прямого подтверждения в источниках и по большей части яв-

ляется исследовательским конструктом [Маслюженко, 2009, с. 237–257]. Не менее спорна и сама возможность прямого давления тюменского хана на пелымского князя Асыку, возглавлявшего независимое Пелымское княжество, о вассалитете которого Тюмени нам неизвестно. Значительная часть интересов Ибрахим-хана сосредоточивалась в это время в степной зоне, где его власть опиралась на поддержку ногайской аристократии. В этой связи резонно отметить, что, по сути, мы не знаем, чем он занимался в период между 1481 (разгром Ахмед-хана) и 1489 (посольство Чюмгура в Москву) годами. Очевидно, что в 1481 г. он увел захваченный у Ахмеда орду-базар именно в Тюмень (Чинги-Туру татарских источников), рассматривавшуюся как столица его политического объединения [Там же, с. 243–244]. Реконструкция его якобы имевшей место северной политики строится на аналогичных примерах политики его потомка сибирского хана Кучума, который стремился подчинить себе угорские территории, в том числе для контроля над торговлей пушниной.

Не менее популярна в историографии и обратная точка зрения, рассматривающая причины этого похода как следствие взаимных договоренностей московского князя Ивана III и тюменского хана Ибака, возникшие как результат союза этих правителей против Ахмад-хана. Еще в 1812 г., когда Н.М. Карамзин работал над описанием времени правления Ивана III, он упоминал «шибанских татар», подчиненных тюменскому хану Ибрахиму: они «...являются действующими в нашей истории и в сношениях с Москвой, нередко служа орудием ее политике» [1998, с. 472]. Более подробно близкую точку зрения обосновал А.И. Плигузов, писавший о том, что властителями Сибирской земли были Тайбугиды, противники тюменского хана, т.е. русская дружина нанесла удар по врагам своего союзника [1993, с. 145]. Этот взгляд в 1995 г. был поддержан А.Т. Шашковым в коллективной монографии «Очерки истории Коды»: он уточнил, что русские воеводы «...разгромили сибирские улусы соперников Тюмени — князей Мара и его сына Адера из династии полулегендарного Тайбуги» [Морозов и др., 1995, с. 78]. Как и в предыдущем случае, в этой позиции есть ряд противоречий.

Прежде всего, точная хронология правления Тайбугидов может быть построена только на основании косвенных источников. В период создания самого Тюменского ханства беки из этой династии выступали союзниками Ибака, о чем свидетельствует и свадьба князя Мара Тайбугида с дочерью тюменского хана, которая была организована еще отцом Мара Ходжой. При этом представители Тайбугидов из племени буркутов долгое время являлись хакимами Чинги-Туры, а следовательно, этот союз был необходим хану Ибрахиму для закрепления на юге Западной Сибири. По сути, Тайбугиды могли выполнять здесь роль по аналогии со степными союзниками тюменского правителя — ногаями (подробнее см.: [Маслюженко, 2010, с. 17–18]). Возможно, отношения между Ибаком и Тайбугидами укрепились именно в «темный» период истории ханства между 1481–1489 гг. [Маслюженко, 2009, с. 247]. Разрыв между Шибанидами и Тайбугидами произошел после убийства Ибаком князя Мара, причины и время которого установить точно не представляется возможным. Следовательно, говорить о Тайбугидах как об однозначных противниках Ибака и тем более правителях Сибирской земли на момент 1483 г. по меньшей мере недостаточно обоснованно. При этом кажущееся укрепление этой династии и степень ее реальной независимости после убийства Ибака между 1493–1495 гг. при одновременном отступлении в Искер также подвергается критике исследователями (подробнее см.: [Маслюженко, 2010]). В частности, возникает вопрос о причинах отсутствия мести за убийство хана со стороны его родственников, в том числе брата Мамука, претендовавшего не только на тюменский, но и на казанский престол.

Но если забыть об этом, мог ли на самом деле поход 1483 г. рассматриваться как выполнение Москвой союзных обязательств? На наш взгляд, для этого необходимо прежде всего обосновать само наличие этого союза (историографию вопроса см.: [Парунин, 2010а]). Как известно, в январе 1481 г. Ибак с союзниками Мусой и Ямгурчи напали на ханскую ставку Ахмеда на Северском Донце, где и убили лидера Большой Орды. Данное событие произошло через полтора месяца после отступления последнего с реки Угры с изможденной и изголодавшейся армией. Столь малый срок между этими событиями, по мнению некоторых авторов, наводит на мысль о наличии московско-тюменского союза [Нестеров, 2003, с. 114; Парунин, 2010б, с. 168]. В отсутствии документального подтверждения этого договора в источниках, в то же время вполне допустима и альтернативная точка зрения о том, что Ибрахим мог воспользоваться ухудшением положения Ахмеда после неудачного «стояния на реке Угре». Недаром Ю.Г. Алексеев указывал, что выступление Ибака против Ахмада было следствием борьбы Чингизидов за золотоор-

Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений

дынское наследие [1989, с. 136]. При этом сам Ибак пришел к ногаям лишь с тысячей «казачков», т.е. сомнительна необходимость значительного времени на их сборы, а остальные войска состояли из ногаев [ПСРЛ, 1982, с. 95].

Даже если допустить наличие этого союза, то не ясно, какие именно плюсы мог получить от русского похода тюменский правитель. Ведь очевидно, что даже в отсутствии точных данных о северной политике Тюмени проникновение сюда русских войск и потенциальный вассалитет угорских князей уменьшали экономические возможности Тюменского ханства, которые могли бы потребоваться в условиях провала степной политики Ибака. В таком случае достаточно прагматичный хан, правивший в Тюмени почти три десятилетия, предстает перед нами как политик, который не может предсказать последствия своих действий. К этому необходимо добавить, что авторами этих версий не учитывается упомянутое выше указание Б.М. Клосса на гибель в походе также тюменских татар, т.е. относящихся к владениям самого Ибака. Как нам кажется, идею А.К. Бустанова о том, что «в Москве слабо представляли, какую роль может играть Сайид Ибрагим», можно распространить не только на период непосредственно после 1481 г. [Бустанов, 2011, с. 22], но и на время организации похода 1483 г. С учетом того, что в русских посольских документах Ибрахима называли «ногайским царем», в Москве, видимо, крайне слабо представляли границы его территории на юге Западной Сибири.

Скорее всего, ближе всех к решению вопроса о причинах и целях подошли авторы, которые условно объединены нами в третью группу. Еще В.А. Оборин писал о том, что поход 1483 г. был ответом на набег на Пермь Великую пелымского князя Асыки ([1990, с. 80]; см. также: [Martin, 1986, р. 96]). Кстати, В.В. Каргалов также в качестве главной цели похода указывал Пелымское княжество, но затем «увлекся» рассмотренным выше «глобальным замыслом» [1983, с. 178]. Длительная история противостояния вогульских и остяцких князей русскому проникновению в Сибирь хорошо представлена в историографии. Новгородские, а затем и московские походы в этом направлении провоцировались заинтересованностью русских купцов в торговле пушниной, спрос на которую в Европе постоянно рос [Слезкин, 2008, с. 29–30]. Уже во второй половине 1550-х гг. путь в Югру был частично перекрыт московскими владениями в Перми и Печоре, а политика христианизации местного населения спровоцировала первые нападения Асыки [История Урала..., 1989, с. 146]. И.В. Побережников, как кажется, правильно связал московские походы за Урал, «на полуночные страны», со стремлением великих князей переориентировать основные торговые пути на восток и потенциальных данников в свои руки от потерпевшего поражение Новгорода [На стыке..., 1996, с. 18].

Так, например, деятельность пермского епископа Питирима спровоцировала нападение со стороны вогулов на город Усть-Вымь на Вычегде в 1455 г. и убийство епископа. Причем это нападение было продолжением предыдущих набегов 1445 и 1448 гг. Хотя в летописях не во всех случаях упоминают конкретное имя вогульского князя, можно согласиться с тем, что это был именно пелымский князь Асыка [Martin, 1986, р. 94–95]. Особенно если учесть, что против Асыки и в дальнейшем предпринимались карательные походы. В частности, поход вятичей и пермяков в 1467 г., в результате которого «вогуличь воивали, а князя вогульского Асыку и на Вятку привели» [ПСРЛ, 1982, с. 91]. Интересно, что, по версии Вологодско-Пермских летописей, Асыка сбежал из-под Вятки «и князя их Асыку в полон взяли да от Вятки упустили» [Вычегодско-Вымская... летопись, 1958, с. 261–262].

Московские князья пытались перехватить источник пополнения казны пушниной у новгородцев и ранее. В 1465 г. был организован первый московский поход за Камень. Очевидно, что походы в Югру в географическом плане шли именно через территорию Пелымского княжества, что также служило дополнительной причиной агрессии Асыки [История Урала..., 1989, с. 146–148]. По сути, московские князья после победы над Новгородом в 1471 г. завершили присоединение земель Великой Перми, получив в наследство вместе с этим весь клубок противоречий в «сибирском вопросе». Таким образом, более обоснована точка зрения о том, что этот поход был изначально призван подчинить именно Асыку и его сына Юмшана, давних противников русских, постоянно беспокоивших пермские владения, как об этом писал еще С.М. Соловьев [1993, с. 80–81]. В конечном итоге это должно было обеспечить доступ к югорской пушнине, которая вообще имела доминирующее значение в русско-сибирских отношениях [Martin, 1986, р. 93–96]. Роль последней в причинах этого похода подтверждается и фактом участия в дальнейших мирных переговорах Ф.Г. Ховрина, казначей Ивана III, ведшего широкие торговые операции [Плигузов, 1993, с. 148]. Одновременно с этим для определения целей и причин похода

следует также учитывать и стремление пермского владыки Филофея к расширению миссионерской деятельности за Камень [Плигузов, 1987, с. 47]. На «крупную роль» Филофея в подчинении племен Сибири русской власти указывал и С.В. Бахрушин [1955, с. 114–115].

Заинтересованность пермского владыки Филофея не только в подчинении угорских княжеств проявляется и в описании организации дальнейших угорских посольств в Москву. В частности, все они организовывались непосредственно через пермского владыку, именно к нему приходили за посредничеством, он посылал в Москву с просьбой об «опасе» для посланцев угорских князей и ходатайствовал об их освобождении. Некоторые оговорки в летописях позволяют высказать предположение, что Филофей, возможно, отчасти действовал и из личных побуждений, рассчитывая на повышение своего положения или в расчете на благодарность со стороны Москвы. Так, в Вологодско-Пермской летописи по поводу посольства угорских князей в 1485 г., которое сопровождал лично владыка Филофей, упоминается, что «князь же великий тогда жаловал владыку, почтив велми, а Юмшана жаловал же, и с великою честью владыку отпустил и Юмшана» [ПСРЛ, 1959, с. 277]. В дальнейшем в летописи под 1491 г. упоминается передача пермской кафедры во главе с Филофеем вологодских земель [Там же, с. 288].

Таким образом, обзор историографии показывает, что придание этому походу неких глобальных целей как в рамках агрессивных, так и союзнических отношений между Тюменью и Москвой не подтверждается источниками. С гораздо большей долей объективности источники позволяют реконструировать цели похода как локально-конкретные, связанные с длительным противостоянием между Новгородом и затем Москвой с вогульскими и остяцкими князьями, в частности пелымским лидером Асыкой, в основном из-за вопросов пушной торговли и отчасти по причине расширения христианизации [Рябина, 2007, с. 37].

Маршрут, причины и движущие силы похода 1483 г.

Исходя из отмеченных выше целей следует рассмотреть маршрут похода. Бесспорно, что в наилучшем виде он был реконструирован в работах В.В. Каргалова. Маршрут похода, нашедший отражение в летописях, условно можно считать изначально predetermined московским князем Иваном III. В Устюжском летописце и летописце Льва Вологодина встречаются следующие упоминания: «Князь великий Иван Васильевич посла рать на вогулич и на Угру, на Обь великую реку» [ПСРЛ, 1982, с. 49]. При этом в остальных летописях, например в Архангелогородском летописце, уточняется, что рать была послана «на Асыку, на вогульского князя, да и в Югру на Обь великую реку» [Там же, с. 95], а в Вологодско-Пермской летописи, Вологодско-Пермских летописцах и Холмогорской летописи Асыка выступает главной целью похода: «на князя на Вогульского на Асыку» [ПСРЛ, 1959, с. 275; Клосс, 1976, с. 275; ПСРЛ, 1977, с. 124]. Кстати, в упомянутой выше духовной грамоте И.И. Салтыка Травина в качестве основной цели также указываются «вогуличи». Кроме Асыки, упоминается в одной из редакций Вологодско-Пермских летописцев сын пелымского князя Юмшан, который играет активную роль в дальнейших переговорах [ПСРЛ, 1959, с. 276]. Интересно, что в официальной Никоновской летописи о походе говорится как «о посылке воевод на Ясыку и Юзшана» [ПСРЛ, 1901, с. 215]. Причем в данной летописи нет упоминаний о каких-либо других направлениях похода, также не упоминаются дальнейшие посольства угорских князей, кроме Юмшана.

Интерес в этом отношении представляет и судьба пелымского князя Асыки. Как уже сказано, он упоминается в летописях при рассказе о походе 1467 г. и нападении на Чердынь в 1481 г. Однако что касается похода 1483 г., то его имя встречается только в Вологодско-Пермской и Холмогорской летописях в связи с бегством после битвы вместе с сыном. В иных источниках называется либо только Юмшан, либо неопределенно обозначается «вогульский князь». Характерно, что в дальнейшем посольства, которые организовывались при посредничестве владыки Филофея, также проходили от лица именно Юмшана без упоминания самого Асыки [ПСРЛ, 1959, с. 276–277]. На это обратил внимание еще А.И. Плигузов, который назвал его «непримиримым» [1993, с. 147]. Но вполне вероятно, что к этому времени Асыка был уже в преклонном возрасте, чтобы участвовать в битве, либо его уже не было в живых, и поэтому он упоминался только в летописях, где его фигура как давнего врага могла быть использована в качестве одной из символических целей похода.

Если вспомнить цели похода, обозначенные в летописях,— разгром вогульских княжеств, точнее, Пелымского княжества и подчинение югорских земель, то представляются не совсем понятными мотивы похода в Сибирскую землю. Можно предположить, что изначально поход

Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений

был организован непосредственно в виде карательной акции против пелымского князя Асыки и его сына Юмшана, причинявших много беспокойства пермским владениям, в частности того же владыки Филофея: «а лиха от него бывало и от отца его много» [ПСРЛ, 1959, с. 277]. Дальнейшее же продвижение, частности в Сибирь, можно попытаться объяснить попыткой поймать Юмшана, бегство которого описывается в большинстве летописей. Скорее всего, дальнейшее продвижение в южном направлении не носило характер запланированного похода. Географическое описание «Югры» в более позднем источнике «Книга Большого Чертежа» указывает ее местоположение по Сысве и Сосьве [Бахрушин, 1955, с. 87]. Для перехода с Пелыма в Югру не было необходимости «делать крюк» по Тавде, Тоболу и Иртышу, который мог быть спровоцирован только личной заинтересованностью воевод.

В связи с этим уточнения требует указание двух географических пунктов: «Тюмень» и «Сибирская земля»/«Сибирь».

Обратим внимание на то, что, поскольку используемые нами летописи были созданы внутри православной церкви, их авторы должны были исходить из ряда традиций именно русского летописания. Это замечание чрезвычайно важно по причине использования здесь термина «земля», по крайней мере в отношении «Сибирской земли» и «Югорской земли». А.А. Горский справедливо указал, что в русском летописании «землями» именовались независимые государства, для которых также могли использоваться этнонимические названия (например, «Русская земля»/«Русь», «Угорская земля»/«Угры») [2004, с. 80]. На наш взгляд, упомянутые в летописях о походе 1483 г. наименования стоят в этом же ряду. Если эта версия верна, то речь идет именно о наименованиях независимых политических объединений, а не их столиц с аналогичными названиями, как это предполагает Д.М. Исхаков [2010, с. 386–388]. Кстати, на поздний характер появления городища Искер (Сибирь) указывают и материалы раскопок этого памятника А.П. Зыковым, который самый ранний слой связывает с событиями после 1495 г. [Зыков, 1998, с. 23]. Летописное направление «в Сибирь и повоеваша Сибирскую землю» явно указывает именно на территориальное образование, так же как «в Нагаи». В случае упоминания направлений на городские пункты в летописях используется предлог «на», как, например, при походе Асыки 1481 г. «на Чердыню» [Вычегодско-Вымская... летопись, 1958, с. 261].

Помимо этого, в летописях упоминается приход в составе посольства к Ивану III «сибирских князей» (в Устюжском летописном своде) и «сибирского князя Лятика» (в позднем Архангелогородском летописце) [ПСРЛ, 1982, с. 49, 95]. Источник этих сообщений неизвестен, а в иных летописях данные об участии сибирских князей в переговорах отсутствуют. Скорее всего, есть резон согласиться с мнением А.И. Плигузова о том, что «это известие малодостоверно, ибо в ранних источниках речь идет о послах пелымских вогулов, а не о делегации “Сибирской земли”» [Плигузов, 1993, с. 153, прим. 32]. На наш взгляд, в этом отношении весьма заметно отсутствие этих князей в самой ранней Вологодско-Пермской летописи, составленной при дворе Филофея, казалось бы заинтересованного в преувеличении результатов похода. В таком случае само существование Сибирского княжества в 1480-х гг. как независимого политического объединения не подлежит сомнению, и в этом авторы вполне солидарны с Д.М. Исхаковым [2010, с. 386–388]. Однако этническая характеристика его лидера (предположительно установленная Д.М. Исхаковым как тюркская) и населения остается под вопросом.

В этом отношении иной контекст приобретает и «Тюмень», которая должна рассматриваться не как город (Чинги-Тура), а как наименование политического объединения Ибрахим-хана [Белич, Ярков, 2006]. В таком случае становится понятным, почему воеводы прошли «мимо Тюмень» по Тавде, хотя известно, что этот город располагался на Туре. Нет необходимости здесь исправлять или комментировать летописцев, как это сделали А.А. Дмитриев или Н. Абрамов [Абрамов, 1858, с. 714; Дмитриев, 1894, с. 60]. Летописцы здесь имели в виду, что русские войска прошли мимо Тюменского ханства, т.е. за пределами его северо-восточной границы, которая, видимо, располагалась именно по Тавде, а далее к востоку располагалась уже «Сибирская земля». Кстати, это позволяет нам установить условную, согласно взглядам русских летописцев, границу владений Ибака и в дальнейшем использовать ее для разделения тюменских владений Шибанидов и сибирских владений Тайбугидов. В связи с этим возникает вопрос об участии «тюменских татар» в этих событиях. Прежде всего, укажем, что, по нашему мнению, в этой группе следует видеть население Тюменского ханства в широком смысле слова. Так, например, Г.Х. Самигулов для этнокультурной ситуации более позднего времени указывает: «Выражения “тюменский татарин”, “уфимский татарин” или “тобольский татарин” означало

не татар, живших в Тюмени, Уфе или Тобольске, а тюрков, плативших в эти города ясак» [2011, с. 128]. В рассматриваемом контексте эта группа татар упоминается дважды. В 1481 г. отряд устюжанина Андрея Мишнева, догоняя отступающих из-под Чердыни вогулов Асыки, «посек» на Каме тюменских татар [Вычегодско-Вымская... летопись, 1958, с. 262]. На этом основании можно было бы предположить, что тюменцы поддерживали Асыку, однако контекст летописи говорит только о том, что они лишь оказались на Каме в то же время, и не соотносит их с пелымским князем. Во второй раз тюменские татары упоминаются в кратком Вологодско-Пермском летописце, где указывается, что они были побиты и пленены русскими воеводами при переходе в Сибирь [Клосс, 1976, с. 270]. По всей видимости, использование этнонима «татары тюменские» с позиции летописца связывает их именно с Тюменским юртом Ибрахим-хана, но не позволяет рассматривать в контексте отношений с пелымским князем Асыкой.

Заключение

Таким образом, анализ летописных источников о походе 1483 г. показывает, что он прежде всего связан с противостоянием между Московским великим княжеством и остяцкими и вогульскими объединениями, в особенности Пелымским княжеством Асыки. При этом поход в Сибирскую землю во многом носил случайный характер, и его нельзя рассматривать в русле русско-тюменских отношений, где он не оставил следов ни до этого в виде якобы имевшегося договора Ибрахим-хана и Ивана III, ни после этого в виде формального подчинения сибирского князя, реальность фигуры которого вызывает сомнения. В то же время летописные источники позволяют выявить основные политические объединения Западной Сибири в 1480-х гг., а также определить некоторые их условные границы. Одновременно московские князья, хотя и стали упоминать Югру в своей титулатуре, по всей видимости, рассматривали новые приобретения как в целом бесперспективные, поскольку в условиях постзолотордынского окружения последней четверти XV в. реально не могли их удержать. Поэтому пленных угорских князей охотно отпустили на прежние владения при условии данничества и номинального подчинения Русскому государству. При этом они должны были давать клятву «з золота воду пили», а в летописях всячески подчеркивалось, что «дотоле не давали дани» [ПСРЛ, 1959, с. 277; 1977, с. 125].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов Н. Город Тюмень // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 50. Отдел II. Часть неофициальная. С. 712–715.
- Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 219 с.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Науч. тр. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVIII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 86–151.
- Белич И., Ярков А. О Тюмени до 1586 г. // Тюмень между прошлым и будущим. Ч. 1: Возвращение к истокам: Науч.-худож. изд.: В 3 ч. Тюмень: Кронос, 2006. С. 7–23.
- Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания: (Обзор советской литературы). М.: Наука, 1975. 344 с.
- Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов: Опыт источниковедческого исследования. Saarbrücken: Lambert Acad. Publishing, 2011. 60 с.
- Вычегодско-Вымская (Михаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сб. Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271.
- Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Дмитриев А. Покорение угорских земель и Сибири: Пермская старина. Пермь, 1894. Вып. V. 219 с.
- Зыков А.П. Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1998. С. 22–24.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. А.А. Преображенского. М.: Наука, 1989. 608 с.
- Исхаков Д.М. О летописных сообщениях 1483–1484 годов относительно «Сибирской земли» и «Сибирского князя» // Тумашевские чтения: Актуальные проблемы тюркологии: Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во «Печатника», 2010. С. 386–388.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Рипол Классик, 1998. Т. IV–VI. 656 с.
- Каргалов В.В. Сибирский поход 1483 года и его последствия // Вопр. истории. 1983. № 11. С. 177–182.
- Каргалов В.В. «Покоритель» Сибирского царства? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.moskvam.ru/publications/publication_121.html.

Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений

Клосс Б.М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976: М.Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 264–282.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980. 312 с.

Маслюженко Д.Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрагим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сб. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Востлит, 2009. С. 237–257.

Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: Истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ихлас, 2010. Вып. 2. С. 9–21.

Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.

На стыке континентов и судеб: Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. Ч. 1. 236 с.

Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М.: ИСАА при МГУ, 2003. С. 109–121.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. 166 с.

Парунин А.В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480-е — начало 1490-х гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ихлас, 2010а. Вып. 2. С. 266–274.

Парунин А.В. К вопросу об обстоятельствах смерти хана Большой Орды Ахмата в 1481 году // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3 / Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: «Фэн» АН РТ, 2010б. С. 166–172.

Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопр. истории. 1987. № 5. С. 38–49.

Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль: Археогр. центр, 1993. 156 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 12: Патриаршая, или Никоновская, летопись. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 416 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 33: Холмогорская летопись. Л.: Наука, 1977. 256 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 235 с.

Рябинина Е.А. Сибирский поход 1483 г.: К проблеме взаимоотношений России с Тюменским ханством // Емельяновские чтения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Курган: Изд-во КурГУ, 2007. С. 37–38.

Самигулов Г.Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI — первой половине XVIII века: Консолидация/разделение — к постановке вопроса // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган: Изд-во КурГУ, 2011. С. 127–131.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Нов. лит. обозрение, 2008. 516 с.

Сербина К.Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. / Отв. ред. В.И. Буганов. Л.: Наука, 1985. 136 с.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3: История России с древнейших времен. Т. 5–6. М.: Голос, 1993. 724 с.

Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое в прошлом нашей страны: Памяти М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 1967. С. 227–231.

Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.

Martin J. Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for Medieval Russia. Cambridge: Univ. Press, 1986. 288 p.

Курганский государственный университет
denmas13@yandex.ru

The article is devoted to a Russian campaign against Vogul u Yugor princedoms in 1483. Subject to identification being basic contradictions in the historiography of this event. Contrary to the conventional tradition, the authors believe that this campaign was not directly connected with Moscow-Tyumen relations, but reflects Moscow's intention to control the former Novgorod tributaries and Trans-Ural sources of fur trading, among others using methods of Christianization. A special attention being paid to the route of the march, which allowed to determine borders of certain late medieval political alliances of West Siberia.

Moscow princedom, Pelym princedom, Tyumen khanate, khan Ibrahim, Siberian land.